

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов

Что сулят встречи с прошлым, с молодостью? Нужны ли они? Что ощущаешь ты, например, когда на улице тебя окликает некто с брюшком, лысиной, одышкой и оказывается, что это не кто иной, как Венька Шустрый, в свое время появившийся в классе преимущественно через окно, по водосточной трубе? Что ощущаешь ты?

С грустью вспоминаю я случай, когда один мой приятель, ныне ленинградец, приехав в Киев, решил устроить встречу одноклассников.

Что ж, все говорили потом, что получилось все очень мило, что приятно все же через столько-то там лет повидать друг друга, вспомнить прошлое, учителей, всякие там проказы, что, в общем-то, мы все мало изменились, во всяком случае внутренне, душевно. Действительно, все было очень мило – вспоминали, разглядывали фотографии, погоревали об ушедших, а потом, когда сели за стол, выяснилось, что водки-то можно было и не покупать. Зато минеральная вода была нарасхват.

Часов около одиннадцати, похлопывая друг друга по спинам, расстались, условившись завтра обязательно встретиться на Владимирской горке и всем вместе сфотографироваться. Я знал, что «старики» на меня обидятся, но не пошел – не смог.

Нет, не поддавайтесь искушению, не возвращайтесь на места, где вы провели детство, не бродите в одиночку по аллеям, где когда-то ходили в обнимку, не восстанавливайте искусственно былых отношений, не встречайтесь с давно ушедшим. Даже единственное в таких случаях спасение – юмор, и тот не спасает.

Все это я знал, когда брал билет на турбоэлектроход «Россия», шедший рейсом Москва – Ростов-на-Дону с остановками в крупных портах, в том числе в Горьком, Куйбышеве, Саратове, Сталинграде.

Сталинград... Вот что меня ожидало и чего я несколько опасался. Однажды я уже с ним встречался после войны, и радости эта встреча мне не принесла. Сейчас я подсознательно боялся этой второй встречи, а может быть, просто предчувствовал, что со мной в этот приезд и должна произойти та удивительная история, о которой пойдет речь впереди. Так или иначе, но я долго колебался, прежде чем взял билет. Но уж больно соблазнительна была неожиданно подвернувшаяся поездка по Волге: ну как откажешься от такой счастливой возможности – сочетать отдых с работой? Все лето я проторчал в городе, в суете и в жаре, не имея возможности сесть за работу, а сроки ее неумолимо надвигались. Короче, я плюнул на все и взял билет.

Жалею я сейчас об этом или нет? Трудно ответить.

И да и нет. Скорее все же нет. По натуре своей я не люблю неожиданностей, предпочитаю покой и тихую, размеренную жизнь. Но именно поэтому, очевидно, и нужны иногда встряски, может быть, не такие энергичные и труднообъяснимые, как та, что со мной произошла, но все же нужны.

Одним словом, билет я взял и в назначенное время явился на теплоход, стараясь не думать об ожидавшей меня встрече с далеким прошлым.

Та, предыдущая встреча, о которой я упоминал, произошла летом 1950 года, ровно через семь лет после окончания войны, в Сталинграде. Приехал я туда в командировку, но, как и всякий другой на моем месте, с аэродрома ринулся прямо на Мамаев курган.

За годы разлуки он не изменился. И вокруг почти ничто не изменилось. Стройка шла в городе, на заводах, здесь же все было по-прежнему. Сухой, некрасивый, заросший кустарником курган походил на самого себя, каким он был в июле сорок второго года, когда я впервые его увидел, попав в Сталинград, после всем памятного нам отступления из-под Харькова. Даже крохотный восстановленный поселочек у его подножия выглядел точно так же, как в то жаркое, удушливое лето. [1]

Не торопясь, то и дело останавливаясь, я подымался по знакомому мне оврагу,

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru кратчайшему и наименее опасному пути на передовую, вышел на нейтральную полосу – жалкие шестьдесят метров, отделявшие нас от немцев, – и огляделся по сторонам.

Война не ушла еще отсюда. Окопы обвалились, обмелели, заросли травой, но они были. И ржавые патроны, гильзы, каски, котелки, штыки, затворы, пулеметные ленты, истлевшие портянки из вафельных полотенец... И кости... То тут, то там белели в траве черепа – теперь уж не поймешь, где русские, где немцы. Уходя в марте сорок третьего отсюда, мы похоронили всех павших, но грунт был мерзлый, закапывали неглубоко – за семь лет размыло дождями, развеяло ветром...

С кургана я возвращался подавленный и разбитый. Внизу, в городе, рычали бульдозеры, двигались краны, с красных полотнищ и в репродукторы призывали сталинградцев досрочно восстановить родной город-герой, а здесь, на забытой передовой, до сих пор царила смерть. В обкоме я встретил смущение и растерянность – что поделаешь, до всего руки не дотягиваются, за всем не углядишь.

Всю эту печальную историю я рассказал вовсе не для того, чтобы разбередить старые, зажившие уже раны, а чтобы объяснить, почему я колебался при покупке билета и почему в последнюю перед Сталинградом ночь – а «Россия» должна была прийти туда в пять часов утра – я промаялся на палубе, не находя себе места.

Весь путь от Москвы до Сталинграда я провел в одиночестве. У меня была прекрасная отдельная каюта, в которой можно было отгородиться от всего света, радио на пароходе почему-то не работало, персонал был обходительный, приветливый, пассажиров немного и тоже какие-то не шумные, преимущественно преклонного возраста, дремавшие на палубах в шезлонгах или разглядывавшие в бинокль берега. По утрам, до завтрака, я работал, потом тоже устраивался в шезлонге, читал «Семью Тибо», на стоянках в одиночестве бродил по улицам незнакомых городов или валялся в трусах на прибрежных пляжах, любуясь Волгой, – стоял конец сентября, но жарко было по-летнему. Чувствовал я себя безмятежно, как может чувствовать себя человек, которому некуда торопиться и который знает, что до него никто не доберется.

После Саратова я почувствовал вдруг беспокойство. Работа застопорилась. «Тибо» показались скучными и растянутыми, пассажиры стали раздражать – как им не надоедает круглосуточно спать, стучать в «козла» и бегать на каждой остановке на пристань покупать жратву.

После ужина я попытался сесть за письма, но они получались какими-то вымученными, с плоскими сентенциями и жалкими потугами на остроумие. Я их порвал и пошел в буфет. Там было пусто. Буфетчица что-то подсчитывала за своей стойкой. Попытка заговорить с ней – толстой, вялой, с ярко накрашенными губами – успехом не увенчалась. С пожилым, бухгалтерского типа человеком, пришедшим за минеральной водой, самому общаться не захотелось, зато, когда перед закрытием буфета появились два молоденьких солдата, я насторожился. Они долго подсчитывали деньги, о чем-то шептались, искоса поглядывая на меня, наконец взяли бутылку портвейна. Этим они решили свою участь.

Через полчаса, взяв в буфете подкрепление, мы удалились в мою каюту.

Ребята оказались очень славные. Оба волжане, белобрысые, коротко стриженные, подтянутые, в белых подворотничках – оба демобилизовались и ехали домой, – они поминутно поправляли складки своих гимнастеров и очень стеснялись. Зато я говорил. И конечно же, о войне, о Сталинграде.

Я до сих пор краснею при воспоминании об этом вечере. Я говорил без умолку. Вспоминал различные эпизоды, товарищей, разъяснял обстановку, рисовал какие-то схемы, а главное, рассуждал. Ребята деликатно жевали колбасу, очень внимательно, не перебивая, слушали меня, но больше всего, по-моему, хотели спать. А я все говорил, говорил, в чем-то их убеждал, что-то доказывал, время от времени задумываясь и произнося многозначительное «м-да»...

Когда ребята ушли – а сделали они это как-то разом, поднявшись и сказав: «Нам пора, спасибо большое», – я почувствовал вдруг стыд, особенно оттого, что настойчиво и неоднократно предлагал им пойти со мной на Мамаев курган. «Я там полковым инженером был, я там все знаю», – а они переглядывались, благодарили, а потом вот встали и сказали, что им пора.

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

Всю ночь я не мог заснуть. Бродил по палубе, пытался вздремнуть в шезлонге, смотрел на берега. Прошли Дубовку, Пичугу. Осенью сорок первого года мы сюда пришли – запасный стрелковый батальон – и простояли всю зиму. Копали мерзлую землю, кололи чучела, разбирали и собирали винтовку, потом солдат отправили в Крым, а нас, командиров, разбросали по частям, готовившимся на фронт. Это было перед весенним наступлением на Харьков...

Все сейчас было неузнаваемо – ГЭС все изменила.

В Сталинград мы пришли точно по расписанию, ровно в пять. Торопливо, боясь встретить своих солдат, я опустился на берег.

В Сталинграде я был и до, и во время, и после боев. Я хорошо помню его во всех стадиях, во всех видах. Помню унылым, заснеженным, глубоко тыловым, с толкучкой, где я покупал своим бойцам рукавицы, с офицерской столовой возле универмага, казавшейся лучше всех ресторанов; помню июльским, прифронтовым, с зенитками в скверах, подбитым «юнкерсом» на площади Павших борцов, с вереницами раненых из-под Калача и Абганерова; помню памятный всем день 24 августа, день первого массированного налета, когда кругом все рушилось и пылало; помню последний день, когда мы уходили из города, – руины, снег, греющихся у костров пленных и трупы, трупы, тысячи, десятки тысяч трупов – не было сил их убрать...

Сейчас передо мной был громадный, незнакомый и совершенно чужой город. От старого не осталось ни следа, разве что универмаг, затерявшийся среди новой планировки.

Что ж... Так оно и должно быть. Прошло почти четверть века. На месте руин, мертвого города вырос новый, живой, с не очень красивыми, но большими домами, новыми улицами, новыми названиями, новыми людьми.

Я поднялся по широкой парадной лестнице, украшенной колоннадой, и вышел на площадь Павших борцов. Посреди разросшийся сквер, вдали силуэт вокзала с башней и шпилем. Все очень торжественно, в стиле сороковых годов. Пусто. Еще очень рано, к тому же, кажется, воскресенье – народу почти нет. Не жарко. И ветра нет – значит, и пыли.

До Мамаева кургана иду пешком, трамваи еще не ходят. Впрочем, я все равно пошел бы пешком.

Иду по проспекту Ленина. Когда-то он был проспектом Сталина. До войны его вообще не было. Он очень широкий, длинный и тянется вдоль Волги до самого Тракторного завода. Направо и налево дома, дома, дома... «Гастроном». «Ткани». «Обувь». «Культтовары». Опять «Гастроном». Кое-где на бетонных постаментах орудийные башни тридцатьчетверок – линия фронта...

Дом Павлова... Очень обыкновенный, выкрашенный в розовую краску, такие строили в тридцатые годы. На нем мемориальная доска, перед ним все та же башня с тридцатьчетверки. Кругом новые дома – площадь Солдатской славы. Надписей на доме никаких, а когда-то было очень много, снизу доверху, – сейчас все замазано розовым.

Постоял и пошел дальше.

Скоро будет завод «Метиз» – левый край нашей обороны. За ним большой пустырь и мясокомбинат. На мясокомбинате был КП первого батальона. Направо, к Волге, сожженный поселок, нефтебаза – она очень долго горела, заслоняя солнце черным сплошным облаком.

Налево железная дорога и Мамаев курган. Участок между сожженным поселком и железной дорогой можно было преодолеть только ночью – он простреливался вдоль и поперек. Чуть левее и ближе к Метизу стояли трамвайные вагоны... Все это было очень давно – двадцать три года тому назад...

Дойдя до мясокомбината, решил вдруг – а почему не зайти? Авось сохранилось кое-что из прошлого? В подвалах, например, где был КП...

У проходной обычная история – кто, да что, да по какому делу. Вахтер полон

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru подозрения, но все-таки кому-то звонит.

В прошлый мой приезд нечто подобное произошло у меня на ТЭЦ Тракторного завода. Требовался отдельный пропуск, долго куда-то звонили, я тряс документами, и только после не менее чем полуторачасовой процедуры меня туда пустили. Самое смешное во всей этой истории было то, что в сорок втором году, когда немцы рвались к Тракторному, судьба ТЭЦ была буквально в моих руках – рубильник от проводов, которые шли к взрывчатке, разложенной под всеми агрегатами ТЭЦ, находился у моего изголовья, – от одного моего движения зависела жизнь и смерть электростанции.

После очень основательного выписывания пропуска – крупным каллиграфическим почерком переписывается буквально весь текст моего паспорта – я попадаю к замдиректора, обходительному немолодому человеку, который, против ожидания, сразу понял, какими чувствами я обуреваем. Вызвав кого-то из своих помощников, он так ему и сказал:

– Ознакомь товарища с процессом, не очень утомляя его, а потом покажи, как пройти в подвальное помещение – у товарища с ним связаны личные героические воспоминания. – Он понимающе улыбнулся мне.

Помощник – молодой парень в спецовке – выполнил указание в точности: процессом не утомил, из вежливости поинтересовался, как мы здесь воевали, и на прощанье предложил фонарик.

– Там у нас, мягко выражаясь, захлавлено малость. Если хотите, могу проводить...

– Что вы, зачем? – воспротивился я. – В те годы там паркет тоже не каждый день начищали...

Он улыбнулся. Мы распрощались, и, вооружившись фонариком, я стал спускаться по темной лестнице. Тогда эта лестница тоже существовала, но ею не пользовались, в КП куда проще было попасть через подвальное окно и люк в полу.

Люк этот я не сразу обнаружил. Помещение, в котором он находился, действительно было малость захлавлено, и мне пришлось порядком-таки повозиться, пока я не расчистил вход в подвал. Крышка тоже не сразу открылась, но с помощью железной рейки я ее победил. По скрипучей, по-моему, сохранившейся еще с того времени деревянной лестнице я осторожно спустился вниз.

Теперь надо было пройти нечто вроде длинного коридора, вдоль которого тянулись трубы, и в конце его должна была быть железная дверь, а за ней тот самый подвал, где был КП первого батальона.

КП находился здесь довольно долго – с августа сорок второго, когда немцы захватили водонапорные баки на вершине кургана, до конца ноября: с переходом в наступление нашу дивизию передислоцировали правее, к высотке Безымянной. В свое время я сюда довольно часто навещался – батальоном командовал отчаянно смелый, лихой капитан Беньяш. Это был удивительно красивый, кудрявый, веселый парень, гроза немцев и окрестных санинструкторш. Это у него на КП, в этом самом подвале, устраивались концерты, и мы, штабные поверяющие, под любым предлогом приходили «поверить» именно этот батальон. В конце октября или начале ноября Беньяш погиб. Погиб по-глупому, от случайной мины, во дворе мясокомбината, где он назначил свидание одной из своих поклонниц. Мы долго оплакивали его. Похоронили на высоком волжском берегу, а когда в Сталинграде кончилась война, на могиле поставили памятник. Сделали его наши полковые саперы по моему эскизу. Это был первый памятник в Сталинграде. Он хорошо был виден с Волги. Сейчас его нет: он был деревянный.

Итак, я спустился по лестнице и двинулся по длинному коридору с трубами. Как ни странно, но здесь был сравнительно больший порядок, чем там, наверху, вернее, меньший беспорядок. В одном месте у стены стояло десятка два ящиков, очень похожих на патронные. В свое время они назывались цинками. Я раскрыл один из них и, к великому своему изумлению, обнаружил, что он полон патронов. Поразительнее всего было то, что у них был совершенно свежий вид, точно их только что принесли. Даже масло не просохло. Подумать только, за все эти годы никто не удосужился сюда спуститься. Я мысленно представил себе, как торопились хозяева этого подвала, покидая насиженное место, и практичный старшина, взглянув на

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru ящички, махнул рукой: «А ну их, таскаться еще... На новом месте дадут новые». Так и пролежали они здесь двадцать три года...

Подходя к железной двери – она тоже сохранилась такой, какой была, – я почувствовал легкое волнение, будто был я здесь совсем недавно, только вчера, и что сейчас, как и вчера, мы с Беньяшем или его начальником штаба отправимся на передовую проверять огневые точки, а может, никуда и не пойдем, а будем пить чай и крутить патефон – у Беньяша полно было пластинок.

Я толкнул дверь...

В жизни каждого человека есть периоды, в памяти не задерживающиеся, есть периоды провалов, но бывают дни, которые запоминаешь с первой до последней минуты, запоминаешь каждую деталь, каждую мелочь, каждое произнесенное слово, каждую мелькнувшую у тебя мысль. К этим дням я сейчас и подошел. Всю мою жизнь, до последнего дня, они будут стоять перед моими глазами ясные и четкие, как на экране, хотя я никогда так и не узнаю, когда же это произошло – вчера или двадцать три года назад...

В тот самый момент, когда я толкнул дверь, над головой у меня грохнуло что-то очень тяжелое, и с потолка посыпалась штукатурка. Похоже было, что где-то вверху разорвался снаряд порядка 152 миллиметров. От непривычки я вздрогнул, очевидно, или попятился.

– Э-э, капитан, да ты у нас, видать, нервный...

Сказано это было без всякого желания обидеть, с юморком, и я сразу узнал голос. Полулежа и подперев одной рукой голову – любимая его поза, – на меня с нар глядел из-под упавших на лоб черных завитков кудрей веселыми, живыми глазами капитан Беньяш.

– Давай-давай заходи, не стесняйся. Мы сегодня тебя по-царски встретим. Кое-чем разживились.

Вверху опять что-то разорвалось, но, кроме меня, никто не обратил на это внимания...

Первое невольное ощущение у меня было, что я присутствую на киносъемке фильма об Отечественной войне. Но ни операторов, ни режиссеров, ни юпитеров не было. Подвал освещен был большой керосиновой лампой, очень уютной, с зеленым абажуром. Свет от нее падал на шахматную доску, стоявшую на нарах между комбатом и его замполитом, статным, всегда подтянутым грузином, фамилию которого я никак не мог припомнить. В углу при свете копящей артиллерийской гильзы сидел и что-то читал молоденький, очень рябой связист с подвешенной к голове трубкой. В другом возился старшина – перебирал белье. Двое или трое бойцов, укрывшись шинелями, спали на полу, подстелив под себя войлок. Лампа с абажуром стояла на столике возле комбата. Столик этот я хорошо помнил – изящный, легкий, на гнутых ножках в виде львиных лап. Над ним висело большое зеркало в золотой раме с амурчиками и венками. В зеркало была воткнута фотография какой-то девицы в кудряшках. Вряд ли это была жена Беньяша – по-моему, он был холост.

Я мог бы со всеми подробностями описать сейчас всю обстановку подвала, вплоть до даты – 5 октября – на табеле-календаре, висевшем между зеркалом и вырезанным из журнала портретом Сталина в маршальском мундире. Но я не хочу отвлекаться от основного. Скажу только, что именно портрет Сталина привлек мое внимание, и Беньяш, заметив это, мимоходом уронил, вставая со своих нар:

– Ничего, ничего, не осудит... Выпьем?

Беньяш никого на свете не боялся, даже своего замполита. Уверен, что он и перед самим Сталиным стоял бы, как позволял себе стоять перед командиром полка или дивизии, – не вытянувшись в струнку, а свободно, расслабив одну ногу, с высоко поднятой головой и чуть-чуть согнутыми в локтях и сжатыми в кулаки руками. Ни разу ни от кого он не получил за это замечания, даже от Чуйкова, а тот не отличался любовью к вольностям.

Враскачку, как моряк на берегу, Беньяш прошел через весь подвал, порылся в углу и вернулся с бутылкой коньяка. Коньяк был французский, «Мартель», со множеством

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
медалей и гербов на этикетке.

– Для знатоков держу. – Он срезал ножом колпачок и одним ударом выбил пробку. – И лимончик дам. Нарезь-ка, Сидоренко. И сахар натолки. Мы с тобой сейчас, инженер, по всем правилам все сделаем. Вилочки, ножички, скатерть постелим... – Он иронически взглянул на замполита. – А ты чего лыбишься? Вам, брат, нельзя, не положено, примером для бойцов должны быть... – И подмигнул мне. – Садись, инженер. Что ты сегодня как в воду опущенный? Не узнаю... Нагорело, что ли?

Вид у меня был, очевидно, очень растерянный. Я подсел к столику и только сейчас увидел в зеркале, что на мне гимнастерка, расстегнутая телогрейка, а лицом я похож на свою фотокарточку из офицерского удостоверения – ни усов, ни морщин, ни мешков под глазами. Потом я несколько раз ловил себя на том, что поглядываю все время в зеркало – в последнее время, особенно в парикмахерских, это не доставляло мне удовольствия, сейчас же было даже приятно. Я как-то даже осмелел.

Что ощущал я в эти первые минуты? К концу дня я как-то привык к своему противоестественному положению (именно «как-то», другого слова не нахожу), но в первую минуту у меня было желание рвануться назад, вскарабкаться по скрипучей лестнице и найти того парня в спецовке – кстати, фонарик я до сих пор сжимал в руках.

– А ну покажи, покажи. – Беньяш протянул руку за фонариком. – Где достал? Ты смотри, китайский...

– Китайский... – сказал я, и это было первое, что я произнес.

– Мелитон, смотри, китайский фонарик. Своих, фрицевских, не хватает!

Замполит подошел, взял его в руки, и оба они долго возились с ним, пуская луч в разные стороны и восторгаясь его силой. Потом его рассматривали старшина и связист. Я невольно пожалел, что оставил в каюте свой маленький транзистор «Сокол».

– Ну ладно, – сказал Беньяш. – Хватит баловаться. Пора за работу. Это все разведчики мои. – Беньяш кивнул в сторону спавших в углу бойцов. – Сделали ночью небольшую вылазку и раскулачили офицерский блиндажик. Небось никогда не пил такого, а?

Такой или приблизительно такой я пил в Италии, но это было пять лет тому назад или, наоборот, лет пятнадцать спустя.

– Коньяк приличный, – сказал я, и мы выпили еще по одной.

Беньяш сжалился над замполитом и дал ему тоже попробовать. Затем старшине и связисту. Все хвалили коньяк, закусывали лимоном, и некоторое время мы говорили о различных напитках, сравнивая их качество и силу воздействия.

Черт его знает, о чем же говорить. Треплюсь о ерунде, а хочется о другом. Ведь я так много знаю. И чем все это кончится, и как долго продлится, и что будет потом. Но как заговоришь? И главное, как убережешь Беньяша от того, что его ждет? Как его предупредить, как удержать?

Позвонили из штаба. Спросили про обстановку.

– Да ничего, тихо, – сказал в трубку Беньяш. – Пока не лезут. Ночью собираюсь... Кстати, у меня тут инженер. Погоди, не бросай трубку. – Он повернулся ко мне. – Слушай, у тебя мины есть какие-нибудь там? Мне в одном месте надо было бы поставить, разрыв получился.

Я растерялся – есть у меня мины или нет?

– Ладно! – крикнул в трубку Беньяш. – Разущи сапера, выясни насчет картошки, и пускай он сюда позвонит.

Так началась моя вторичная служба в армии.

Хуже всего было то, что я все перезабыл. Забыл названия и характеристики мин,

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru забыл, как составляются отчетные карточки на минные поля, как обращаются со взрывателями – одним словом, все забыл. В конце концов это было не очень важно: мой командир взвода – а он к вечеру пришел с двумя саперами и мешком противопехотных мин – во всем отлично разбирался, и на него можно было положиться. Но, в общем-то, чувствовал себя идиотом. Мучительно пытался вспомнить все, касавшееся октября сорок второго года. Весь сентябрь я пробыл на Тракторном заводе, готовя его к взрыву, потом нас с этого дела сняли, сколько-то там дней я провел на левом берегу и где-то в конце сентября попал в эту дивизию, в этот полк. Значит, я здесь совсем недавно, дней десять, не больше. На календаре у Беньяша крестиками зачеркнуто все до 5 октября. Сколько же у меня было тогда саперов? Еще порядочно. Сейчас, по-моему, они должны были рыть в крутом волжском берегу землянки для командира полка и штаба. Из дальнейшего разговора с Лисогором, моим командиром взвода, выяснилось, что это так и есть, – одну почти совсем закончили и обшивают досками, ко второй только приступили. Кроме того, он мне сказал, что вечером ожидается партия лопат и киркоматыг – приходил связной от дивинженера – и что надо их не прозевать, чтоб не расхватали соседние полки. Я знал, к чему он клонит, – свалить минные поля на меня, а самому вернуться на берег: он не очень-то любил передовую. Я на это пошел и отпустил его – в конце концов, он привел двух лучших минеров, Шушурина и Сагайдака, а сам он был незаменимым в хозяйственных делах, и, если мы хотим иметь побольше лопат, на берег должен идти он, а не я.

Перед самым своим уходом он обнаружил коньячную бутылку и стал делать круги вокруг Беньяша. Но тот сразу дал понять, что из этого ничего не выйдет.

– Есть еще одна. Но откроем мы ее только после того, как будет поставлено минное поле. Ясно?

Лисогор покрутился-покрутился и ушел. Это было вечером, часов около восьми.

До этого я прилично выспался. Всю ночь на теплоходе я почти не спал, поэтому, когда беньяшевский старшина – пожилой, обстоятельный усач – предложил мне тюфячок и одеяло, я с готовностью ими воспользовался. Говорят, днем была небольшая бомбежка, но я ничего не слышал, спал как убитый.

Проснулся оттого, что кто-то деликатно, но настойчиво тряс меня за плечо. С трудом раскрыл глаза – передо мной Валега, мой связной.

– Обед принес, товарищ инженер. Кушать пора.

Я с аппетитом уничтожил полкотелка перлового супа и котлеты из офицерской столовой и, только отдавая Валеге котелок, понял, что все еще больше осложняется. Валеги-то у меня в Сталинграде не было. Был Титков, а Валега появился только летом сорок третьего года, когда я из госпиталя попал в саперный батальон. В Сталинград же, вернее, «в окопы Сталинграда», я его перевел уже после войны, пользуясь своим писательским всемогуществом, – об этом я даже написал потом небольшой очерк в «Новом мире» – «Три встречи». И вот, пожалуйста, стоит сейчас передо мной маленький, головастый, как всегда угрюмый и недовольный моим поведением – почему ушел в первый батальон без него, непорядок...

Я растерялся, но все же мимоходом спросил о Титкове: где он, чем сейчас занимается.

– Как где? – удивился Валега. – Вы ж его сами в медсанбат отправили. У него ж желтуха...

Так, желтуха... В Сталинграде многие тогда болели желтухой. Желтухой и куриной слепотой – от отсутствия каких-то там витаминов, – но я что-то не припомню, чтоб Титков когда-нибудь чем-нибудь болел – здоровенный сибиряк, никакая хвороба его не брала.

Сложный ход моих мыслей нарушило появление разведчиков. Не батальонных, а полковых. Явилось их четверо – три бойца и их командир фищенко. Все четверо были в тельняшках, выглядывавших из-под гимнастерок, а командир к тому же и в бескозырке. Вид у всех был лихой, особенно у фищенко. Кургузая, на три пальца ниже пупка, гимнастерка, черный моряцкий ремень, хромовые сапожки, собранные в гармошку, и фрицевская финка с пупыристой костяной ручкой на боку. На другом боку, вернее на заду, – «вальтер» в изящной кобуре, но без немецкой

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru цепочки-шомпола: к тому времени она слишком вошла в моду, и знатоки высшего фронтового шика «сняли ее с вооружения». Все четверо были великолепны. «Великолепная четверка»...

Сняв автоматы, молча расселись на нарах.

С Ванькой Фищенко в те дни мы из-за какой-то ерунды поцапались. Я как старший по званию и возрасту – ему было тогда девятнадцать лет – отчитал его, повернул «кругом, шагом марш!», и он долго мне этого не прощал. Год спустя мы оба были ранены под Голой Долиной на Донце, попали в один госпиталь в Баку, и там он признался мне, что собирался со своими разведчиками сделать мне темную, «чтоб не был таким разумным, интеллигента кусок».

Сейчас он сидел на нарах, расставив колени, и на меня не глядел, насупился. Мне стало смешно. Ведь мы с тобой, гад этакий, в госпитале потом четыре месяца провалялись, и никакой водой, никаким брандспойтом разлить нас нельзя было, а после войны три года ты прожил как миленький у меня на диване, когда учился в техникуме, и в этом году прислал мне к 9 Мая поздравительную телеграмму великолепного содержания: «Пью победу твое здоровье ты же понимаешь Ванька». А сейчас, кривоногая твоя морда, сидишь и глаз в мою сторону не подымаешь.

Сложность ситуации усугубил Беньяш. Оказывается, разведчики были вызваны им, чтоб обеспечить мне установку минного поля, проверить участок разрыва между второй и третьей ротами. Я невольно подумал, а не в этот ли самый раз мы с Ванькой и поцапались – может, во второй раз удастся этого избежать? Но потом вспомнил, что ссора наша произошла не на передовой, на берегу. Так или иначе, но часам к двенадцати вся наша восьмерка – четверо разведчиков, я с саперами и обязательный во всех случаях Валег – отправились на передовую.

До этого ничего особенного не произошло – немцы вели себя тихо, устроили себе, по-видимому, выходной. Раза два звонили из штаба. Звонил и Лисогор – хвастался, что объегорил соседние полки, взял больше инструментов, чем положено, и успел уже три лопаты обменять на ножницы для резки проволоки, которые у нас сперли, и немецкий автомат.

Когда мы уходили, Беньяш похлопал меня по плечу:

– Вернетесь с победой – ставлю угощение. Учти, участок этот между ротами – паршивый участок, ракет там фрицы не жалеют.

Что и говорить, я волновался. Все-таки последний раз ставил мины двадцать три года тому назад, и, хотя перед отходом заставил Шушурина и Сагайдака в порядке, так сказать, тренажа снарядить и разрядить несколько мин, противное чувство страха не покидало меня. Я понимал, что это глупо, что убить меня не убьет, дожил же я до конца войны, и даже не ранит – ожидает меня это не скоро, в июне будущего года, – и все же, что поделаешь, волновался, как необстрелянный новичок.

Подымаясь из подвала по скрипучей лестнице, я невольно поймал себя на том, что втайне надеюсь застать там, наверху, на мясокомбинате, все таким, каким оно было утром – тихим, мирным, с въезжающими и выезжающими машинами, с ругающимся занудным вахтером. Увы, ничего этого не было – только посеченные осколками стены и воронки от мин...

Весь путь до передовой мы прошли довольно быстро. У длиннющего разбомбленного железнодорожного состава с солью по всем правилам устроили небольшой перекур. Пять месяцев спустя, когда мы будем покидать Сталинград, бойцы моего взвода под руководством Титкова набьют свои сидора прозимовавшей всю зиму солью и потом, на Украине, будут бойко ее обменивать на молоко, сметану, творог... А потом, в пятидесятом году, нет, позже, когда мы снимали здесь фильм «Солдаты», мы с ребятами из группы где-то у этой насыпи тоже перекуривали, и, конечно же, я рассказывал про этот путь от мясокомбината на передовую, а потом наверху, у водонапорных баков, сфотографировались на память.

Вот так-то... А теперь опять иди на передовую, растыкивай эти чертовы мины. Тьфу!

Собственно говоря, я мог и не ходить устанавливать мины – это не входит в обязанность инженера, – но то ли хотел себя проверить, то ли просто растерялся и

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru не знал, как поступить, чтобы не уронить свое достоинство, – так или иначе, но пошел. Думаю, что я скорее мешал саперам, чем помогал, но, в общем, все сошло благополучно и без потерь: мины мы расставили, и даже нашлось, к чему их «привязать» (самое сложное дело на передовой, где нет ориентиров), потом разведчики, как всегда, отправились к артиллеристам, саперов я отослал домой, а сам завернул в третью роту – растянул связки на правой ноге, хотелось потуже обмотать щиколотку.

Молоденькая санинструкторша – очень хорошенькая, лет восемнадцати, не больше, почему-то я ее совсем не помнил – быстро и ловко обмотала мне ногу.

– А где командир роты? – спросил я. Фамилию я назвать не решился – забыл, кто в это время командовал ротой.

– Сейчас придет, с минуты на минуту, – ответила санинструкторша и вопросительно посмотрела на меня. – Чайку вам дать? Крепенького?

Я не отказался. Пока она заваривала чай, позвонил Беньяшу и сказал ему, что картошка посажена.

– Приветствую и поздравляю. Заслуженная награда ждет. Не задерживайся.

Но воспользоваться ею, увы, мне так и не пришлось. И Беньяша я тоже уже больше не увидел. Меня до сих пор грызет совесть: битых два часа просидели мы с ним, говорили о всякой дребедени, а о самом главном, о том, что его ждет через месяц и как от этого уберечься, об этом толком-то мы и не поговорили. А как об этом скажешь? И что скажешь? Не назначай свидания санинструкторшам? Или назначай их в защищенном месте? Береги себя? Переходи в другой батальон? Перенеси КП? Это последнее – единственное, что я мог ему посоветовать, но достаточно мне было тогда об этом заикнуться, как Беньяш тут же поднял меня на смех:

– Да таких хором во всем Сталинграде нет. Ты что, спятил? У самого Чуйкова и то нет. Ютится где-то там на берегу, в трубе, а у нас хоть ансамбль песни и пляски приглашай. И перекрытие, дай Бог, бетонное... И вообще я, как кошка, привыкаю к месту...

Что я мог ответить?

Итак, чай был приготовлен, разлит по алюминиевым дружкам, и в этот момент явился командир роты.

За те несколько часов, что прошли до его прихода, меня мучило главным образом неполное совпадение прошлого с тем, что происходило сейчас. С самим фактом возвращения в прошлое я как-то примирился (после кибернетики меня ничем уже не удивишь), но какая-то неточность в происходящем, какие-то сдвиги (одновременность существования Титкова и Валеги, например) то и дело сбивали меня с толку. Появление командира роты еще больше спутало карты.

В землянку, тут же за что-то зацепившись шинелью, неловко, как-то бочком втиснулся высокий узкоплечий лейтенант в очках, в каждом движении которого видно было, что это человек сугубо гражданский. Я его сразу узнал. Узнал и обомлел. Это был Фарбер.

Здесь я вынужден несколько отвлечься. Я упоминал уже о написанном несколько лет тому назад очерке «Три встречи». В нем шла речь о моем связном Валеге, вернее о трех Валегах – о действительно существовавшем, о его литературном двойнике из повести «В окопах Сталинграда» и о воплощенном на экране артистом Соловьевым в фильме «Солдаты». Каждый из них существовал сам по себе и в какой-то степени заслонял и подменял собой другого. В очерке я пытался разобраться в их взаимоотношениях, но, кажется, запутал все дело еще больше. Вряд ли в этом вообще можно разобраться. Более того, встретиться мы трое – я, живой Валега и Юра Соловьев, – боюсь, что даже тогда мы не распутали бы этого сложного клубка, вероятнее всего, еще больше запутали бы. Но не в этом дело.

Дело в том, что такая встреча могла бы состояться. Могла, хотя о судьбе живого Валеги (а я все еще надеюсь, что он жив) я до сих пор ничего не знаю. Но, так или иначе, встреча эта теоретически вполне реальна. И тут я возвращаюсь к Фарберу. С ним такая встреча исключена. Исключена по той простой причине, что он

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru слеплен из нескольких людей, виденных мною в разное время и в разных местах. И вот он передо мной. Втиснулся в землянку, протер очки и сел со мной за один стол, вернее за снарядный ящик, покрытый клеенкой.

– Вы долго меня ждали? – спросил он.

– Да нет. Минут пять, не больше.

– А я пулеметы ходил проверять. Один опять из строя вышел. Придется в артмастерскую тащить. Третий раз уже. Все заедает там что-то...

Я почувствовал, как мурашки забегали у меня по спине. Я узнал этот голос, эту манеру говорить, эти длинные пальцы, эти глаза – умные и грустные, этот взгляд – иногда растерянный, иногда уходящий куда-то внутрь, в себя. Всё это принадлежало фарберу. Фарберу, каким я его себе представлял. И в то же время все это принадлежало еще одному человеку – Смоктуновскому. Да, передо мной сидел Смоктуновский, Иннокентий Смоктуновский, Фарбер из «Солдат»... Сидел и меланхолично помешивал ложечкой чай.

Первые несколько минут я был настолько растерян, что не мог вымолвить ни слова. Фарбер, человек неразговорчивый и малообщительный, молча пил чай, глядя куда-то в одну точку. Санинструкторша, примостившись в углу, перематывала бинты. Где-то тикали ходики. Вошел и вышел боец. Взял лопату и вышел, не произнося ни слова. Все почему-то молчали. Это начинало тяготить. Правда, при фарбере я, а точнее, Керженцев, всегда чувствовал себя неловко и скованно. Но ведь это не фарбер, это Смоктуновский – человек веселый, остроумный, насмешливый. Вот отодвигает сейчас кружку, хитро взглянет на меня, подмигнет и скажет: «Ну ладно, хватит дурака валять. Поигрались, и будя, сходим-ка в буфет». Но он не посмотрел на меня хитро, не подмигнул, а все так же, глядя в одну точку, пил чай, изредка барабаня пальцами по столу.

Я встал.

– Пора идти...

Я чувствовал, что настало наконец время собраться с мыслями. Спущусь к Беньяшу, лягу, укроюсь с головой шинелью и постараюсь во всем разобраться. А отчетные карточки и формуляры сделаю утром – не умрет дивинженер...

– Пора идти, – сказал я.

– А нога? Как же нога? – санинструкторша встрепенулась.

– Вы что, ранены? – спросил фарбер.

– Ерунда. Малость растянул связки. Это у меня бывает.

Фарбер поднялся из-за стола.

– Тогда я вас провожу.

– Не стоит.

– Стоит. Заодно покажете мне, где вы картошку натыкали.

Мы вышли. Было темно. Звезд не видно. Кое-где только мутные, расплывчатые пятна. Кругом тихо. Где-то очень далеко стрекочет пулемет.

Пройдя по мелким траншеям – в полный рост так до конца войны мы их и не сделали, – вышли к оврагу и медленно стали спускаться вниз. Оба молчали. Только где-то у выхода из оврага фарбер сказал:

– Здесь много мелких воронок, осторожно.

У разрушенного моста – перекур. Такова традиция: по дороге туда – под вагонами, обратно – у мостика.

– Сейчас концерт будет, – сказал фарбер, осветив огоньком сигарки часы. – На той

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
стороне громкоговоритель установили. Последние известия передают. А потом концерт. Вчера в это время передавали.

– Из Москвы?

– Должно быть, из Москвы.

Мимо прошли бойцы. Человек десять, один за другим цепочкой. Несут мины и боеприпасы. Слышно, как сыплется щебенка у них из-под ног, как поругиваются они, спотыкаясь. Минут через двадцать они вернуться. Еще через полчаса опять будут идти, спотыкаясь и ругая темноту, разбросанное железо, Гитлера и старшину, заставляющего зараз нести по четыре батальонные мины. За ночь они сделают шесть или восемь ходок. Днем все будет израсходовано. А как только зайдет солнце – опять на берег, с берега – на передовую, с передовой – на берег.

– Как дела в роте? – спрашиваю.

– Ничего, – равнодушно отвечает фарбер. – Без особых перемен.

– Сколько человек у вас теперь?

– Да все столько же. Больше восемнадцати-двадцати никак не получается. Из стариков, что высаживались, почти никого не осталось.

– А пополнение?

– Да что пополнение!

– Юнцы?

– Винтовку в первый раз видят. Одного убило вчера. Разорвалась граната в руках.

– М-да... – говорю я. – Паршивая штукавина.

Фарбер ничего не отвечает. Вынимает из кармана коробку с табаком, скручивает вторую сигарку, прикуривает от собственного бычка. На миг озаряется худое, со впалыми щеками лицо, костистый нос, складка у рта.

– А вам никогда не казалось, что жизнь – нелепая штука? – спрашивает он.

– Жизнь или война?

– Именно жизнь.

– Сложный вопрос... Нелепого, конечно, порядочно. А в связи с чем, собственно, вы...

– Да без всякой связи... философствую. Некое подведение итогов.

– Не рано ли?

– Конечно, рановато, но кое-что уже можно подытожить... Вы никогда не задумывались, например, о своей прошлой жизни?..

Стоп! Не повторяйтесь! Все это уже было... И в книге было, и в фильме «Солдаты». В фильме диалог этот между фарбером и Керженцевым, правда, был несколько сокращен и передвинут в другое место – перед самой атакой, но Смоктуновский и Сафонов сыграли эту сцену прекрасно, выражаясь по-актерски, «концертно». Сейчас мы с фарбером повторили не экранный, а книжный вариант. Слово в слово. И хотя все слова, все фразы были придуманы и написаны очень давно, лет двадцать тому назад, мы повторяли, точнее воссоздали их так, как будто рождались они именно сейчас, у этого разбитого мостика, в эту темную, необъяснимо тихую ночь... Потом до нас долетело *Andante cantabile* из пятой симфонии Чайковского и монотонно прогудел тяжелый ночной трехмоторный бомбардировщик, прозванный «туберкулезом», и фарбер сказал: «Смешно, правда?» – «Что смешно?» – «Все это... Чайковский, шинель, «туберкулез»...»

Потом концерт кончился. Мы посидели еще немного молча и пошли назад, к фарберу. Мне не хотелось с ним расставаться.

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

Не знаю, как для других, но для меня человек, который относится к себе критически и даже в том хорошем, что у него есть, видит скорее плохое, – для меня такой человек всегда притягателен. Нет хуже людей самоуверенных, пусть даже это называется более мягко – уверенных в себе. Война, где многое становится особенно очевидным, еще раз убедила меня, что я прав. Первые воевали лучше вторых. Лучше, потому что требовательны были в первую очередь к себе, а потом уж к подчиненным. Фарбер был именно таким. И Смоктуновский очень тонко это понял и не менее тонко сыграл.

Хорошо, но с кем же я сейчас иду? С кем подымаюсь вверх по оврагу к передовой?

А не все ли равно? Просто мне не хочется расставаться с этим человеком, именно с этим, с которым только что сидел у разбитого мостика и исповедь которого выслушал. Более того, мне захотелось самому говорить – до сих пор я больше слушал, – захотелось рассказать о том, что я знаю, рассказать именно ему, им, сидящим на Мамаевом кургане, придуманным и непридуманным, живым и мертвым друзьям самых, может быть, значительных лет моей жизни... Имею я на это право?

Мы молча, не торопясь подымались в гору. Где-то справа опять застрекотал пулемет. Взметнулось несколько ракет – немецких, конечно, – они медленно опустились, роняя искры, и после них стало еще темнее.

Бог ты мой, где и как собраться с мыслями? Хотя бы каких-нибудь десять минут. Лечь, закрыть глаза и подумать. У Беньяша лег, закрыл и заснул...

А сколько таких минут, сколько часов было у меня на пароходе! Шезлонг, свежий ветер, чайки, проплывающие мимо берега... О чем я думал? О сценарии, который должен закончить, о том, что писать его надо, но не получается, о неведомом режиссере, который по этому сценарию будет делать фильм, о будущих редакторах, главке, министерстве, которые будут убеждать меня делать так, а не так, хотя я знаю, что надо делать именно так... А вообще-то я просто сидел в шезлонге, читал, смотрел по сторонам и старался ни о чем не думать. Потом учил солдат уму-разуму: вот, мол, как воевали ваши отцы, в книгах обо всем этом не прочтешь, а отцов становится все меньше, все меньше...

Нет, собраться с мыслями мне не удалось. Прогулка наша кончилась. Мы вернулись в землянку...

И вот тут-то...

Я подошел наконец вплотную к самому сложному моменту всей этой удивительной истории. Возможно, все обернулось бы иначе и Бог его знает, как закончилось бы, если бы фарбер, забравшись в землянку, не спросил бы у связистов, звонили ли ему из штаба.

– Да нет, – вяло, очевидно спросонок, ответил связист. – Из штаба не звонили. Отдыхают все, не только фрицы... – Потом, вспомнив, добавил: – Да, лейтенант Керженцев звонили, спрашивали, надолго ли вы ушли...

Лейтенант Керженцев? Что ж это такое, в конце концов? Не может быть, чепуха какая-то. Пусть что-то там дофантазировано, изменено, придумано, добавлено, передвинуто, но Керженцев и я, в общем-то, одно и то же лицо... Правда, мне до сих пор неизвестно, за кого именно меня здесь принимают – ни по имени, ни по фамилии меня не называют, говорят «инженер», «товарищ инженер», «лейтенант», и в общем-то я не очень-то удивился бы, если б меня называли Юрием, но то, что сколько-то там времени тому назад этот самый Юрий звонил сюда и в любой момент может опять позвонить, а то и зайти и протянуть руку, – согласитесь, тут есть от чего окончательно стать в тупик.

Я в лоб спросил фарбера:

– Кто это Керженцев?

– Как кто? – удивился фарбер. – Комбат-два.

– Его зовут Юрием?

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru – Юрием.

– Он из Киева?

Фарбер недоуменно смотрел на меня.

– Я не понимаю ваших вопросов. Что они значат?

– Они значат то, что значат... Можно мне поговорить с вами серьезно?

Фарбер все так же недоуменно смотрел на меня.

– Пожалуйста...

Весь последующий разговор в основной, существенной его части я привожу текстуально, хотя ни тогда, ни потом не записал ни одного слова из него – просто я до сих пор слышу глуховатый, негромкий голос фарбера, слышу каждую его интонацию, вижу его плохо выбритое лицо, освещенное неярким светом коптящей гильзы, его глаза, руки, его растрепанные, падающие на глаза, давно не стриженные волосы. Помню хорошо, как будто он сидит сейчас передо мной, маленького связиста, сначала дремавшего, положив голову на руки, потом начавшего к нам прислушиваться и даже вступившего в разговор. У него очень забавно торчали уши на совершенно круглой, коротко остриженной голове, и фамилия у него тоже была забавная – Ландрин. Помню, как в середине разговора в углу вдруг что-то зашевелилось, и это оказался фарберовский старшина. Приподнялся, посмотрел на нас заспанными, ничего не соображающими глазами, сказал: «И чего она от меня хочет? Чего? Что она мне – жена?» – и опять завалился спать. Одним словом, помню все, от первой до последней минуты, от первого до последнего слова.

Итак, фарбер сказал: «Пожалуйста». Я собрал в себе все, что во мне было трезвого и разумного, и начал так:

– Я прошу отнестись к нашему разговору самым серьезным образом. Многие из того, что я вам сейчас скажу, – нет, не многое, по-видимому, даже все, – покажется вам странным, неправдоподобным, даже диким. Я не удивлюсь, если вы посчитаете меня ненормальным. Но это не так. Я нормален, как никогда, ненормальна ситуация, в которую я попал. Разобраться один в ней я не могу. Поэтому я обращаюсь к вам. Вам я верю.

Всю эту вступительную тираду я произнес очень медленно, подбирая и взвешивая каждое слово. Фарбер молча слушал. Под конец кивнул головой – слушаю, мол. Я продолжал:

– Как бы вы отнеслись, например, и что подумали бы обо мне, если б услышали от меня, что сегодня утром я стоял на палубе великолепного белоснежного турбоэлектрохода «Россия» и, опершись о перила, смотрел, как он пришвартовывается к пристани, на которой громадными буквами написано «Волгоград»?

– Что ж, – фарбер улыбнулся, – сначала удивился бы, потом спросил бы, а что такое Волгоград?

– Волгоград – это Сталинград. Его переименовали в тысяча девятьсот шестьдесят первом году после Двадцать второго съезда...

Зажмурив глаза, я выстрелил этой фразой и ожидал после нее определенной реакции – недоумения, возмущения, недоверчивой улыбки, совета обратиться в санчасть. Но фарбер даже не улыбнулся, а просто сказал:

– А вот то, что сейчас здесь происходит, как называется: может быть, Волгоградская битва?

– Представьте себе, одно время некоторые говорили именно так.

Несколько секунд мы молчали, потом, зажмурившись опять, я сделал второй выстрел:

– Из сказанного мною единственное, что вас поразило, это переименование Сталинграда? Больше ничего?

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

– Простите, но, кроме этого, вы пока ничего не сказали.

– Нет, я сказал о Двадцать втором съезде. – Опять молчание. – А до него были Двадцать первый и Двадцатый, было развенчание культа личности. А до этого еще масса событий, в том числе победа над Германией и разгром немцев вот здесь, под Сталинградом.

Фарбер оживился.

– Разгром? Победа? Ни минуты в этом не сомневался. Верите, ни минуты... А когда? Когда?

– Здесь – второго февраля сорок третьего года. А над Германией в сорок пятом году, девятого мая...

Фарбер посчитал на пальцах.

– Октябрь, ноябрь, декабрь, январь... Четыре месяца все-таки. Порядочно...

– За четыре месяца, знаете, сколько тут народу перемелет? Подумать страшно. – Это сказал связист Ландрин. Потом добавил: – Особенно если пацанов и стариков будут присылать. Винтовка из рук валится.

Я не выдержал:

– Слушайте, фарбер, вы что думаете, я в игру с вами играю?

– Если в игру, то занятную. Но я вовсе этого не думаю.

– Что же вы думаете?

– Пока ничего. Жду.

– Чего?

– Ваших объяснений.

В этом месте проснулся старшина, потом пришел боец и сказал, что командир взвода интересуется, почему до сих пор не принесли с берега ужин. Связист позвонил на берег и узнал, что ужин уже в пути. Когда боец ушел, Фарбер посмотрел на меня, как мне показалось, с улыбкой, а может быть, это мне действительно показалось, и тихо заговорил, коснувшись моего плеча:

– Я сказал, что жду ваших объяснений. Нет, я не жду их. Я готов признать, что есть на свете явления, которые трудно объяснить. Что такое, например, шаровая молния, явление феинга, Тунгусский метеорит, телепатия... Я, например, верю в телепатию, верю в передачу мыслей на расстояние. Я знал человека, который утверждал, что живет второй жизнью, что первый раз дожил до шестидесяти с чем-то лет и умерщвлен был опричниками. Все считали его сумасшедшим, а мне очень интересно было с ним разговаривать, особенно когда он начинал рассказывать о князе Курбском, которого, по его словам, будучи московским боярином, хорошо знал. Может быть, он действительно его знал...

– Уж не считаете ли вы и меня... – начал было я, но фарбер тут же перебил.

– Упаси Бог. Я ничего не считаю. Просто мне хочется облегчить ваше положение. Облегчить, дав понять, что верю в ваш утренний – как он называется – турбоэлектроход? – не меньше, чем в то, что параллельные линии пересекаются. Пусть в бесконечности, но пересекаются. Утверждают же, что пересекаются, и мы верим – что остается делать? И в бесконечность верим, хотя понять и объяснить ее не можем.

– Спасибо, – сказал я.

– Не стоит благодарности, – в тон мне ответил фарбер. – Благодарить надо немцев, дают нам сегодня спокойно поговорить...

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru (К слову сказать, весь день и ночь я удивлялся неестественной тишине на передовой. Потом уже, после всех этих событий, я обнаружил в своей книге, которую после многолетнего перерыва, конечно, сразу же перечитал, что в начале октября немцы дали нам два дня отдыха: материальную часть, должно быть, чистили. Кроме «мессеров», самолетов не было.)

– Так что, – продолжал Фарбер, – не будем тратить время попусту, скоро и ночь пройдет. Вот вы упомянули о культе личности. Это что? Неужели речь идет о... – Он запнулся.

– Да.

– Невероятно...

Фарбер повернулся к Ландрину:

– Шел бы ты спать. Я тут сам у аппарата подежурю.

– Я что, мешаю?

– Говорят тебе, иди спать, и всё.

Впервые я услышал в голосе Фарбера повелительные интонации.

Ландрин неохотно вышел.

– Все это слишком сложно, пусть лучше поспит. К тому же треплив невероятно. Бог его ведает, чего на весь полк наболтает. – Помолчав, он добавил: – А что, были еще какие-нибудь перемены? Вернее, будут?

– Да... и довольно существенные.

Я пытался собраться с мыслями. А они расползались.

В землянке никого не было. Только я и Фарбер. Пора... Больше тянуть нельзя. Расскажу обо всем, что знаю, чему мы, оставшиеся в живых, были свидетелями. Но Фарбер мне не дал.

– Погодите. Не торопитесь. Для одной ночи, пожалуй, многовато. И вообще сочтите меня страусом, кем угодно, но я еще не уверен, что должен все это знать. Узнавать надо все самому, из жизни. А сейчас мы воюем, вот и все, правда? Даже здесь еще четыре месяца провоюем. До февраля, вы сказали?

– Да, до второго февраля. А потом будете приводить себя в порядок, пополняться. На Украине, в районе Купянска. До самого июля.

Фарбер вынул и поставил на стол рыжую круглую, как у всех нас в то время, коробку с табаком.

– У вас есть газетка?

Я стал рыться в карманах и, к своему удивлению, обнаружил в левом кармане гимнастерки кожаный бумажник с изображением оленя, купленный в прошлом году в Таллине. В нем лежал аккредитив и несколько почтовых марок. Я их купил несколько месяцев назад, 9 мая, в Москве, на Центральном телеграфе, серию марок, посвященных двадцатилетию окончания войны.

– Вот вам маленькое доказательство того, что утром действительно был турбоэлектротяг «Россия».

Фарбер взял протянутые марки. Они были большие, квадратные, с золотым тиснением, датой 1945–1965 и копиями известных картин периода войны. На одной, в шестнадцать копеек, изображена была картина Юона «Салют Победы» – Кремль, Красная площадь, небо в огнях...

Фарбер долго рассматривал ее, потом сказал:

– Хотелось бы дожить... Представьте себе, хотелось бы...

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

Я вспомнил, что Смоктуновский воевал под Сталинградом, и как-то само собой у меня вырвалось:

– Доживешь, Кеша, доживешь.

– Как вы сказали?

– Доживете, говорю. Я это знаю.

Фарбер поднял на меня глаза.

– Мы что?.. После войны мы с вами встретимся?

– Встретимся. Даже здесь, в Сталинграде...

Фарбер снял очки и несколько секунд молча смотрел куда-то в угол.

– М-да... Все это очень странно. Очень...

Он опять надел очки и внимательно стал разглядывать другую марку, репродукцию известной картины Ф. Богородского «Слава павшим героям». Мертвый моряк, лежащий, очевидно, на носилках, укрыт шинелью. Над ним склонилась мать. На переднем плане коленопреклоненный офицер в живописной плащ-палатке и со множеством орденов. Сзади два суровых солдата с автоматами, тоже в плащ-палатках и в касках. Все это на фоне громадного знамени. Откуда-то падают кленовые листья. Я так подробно описываю эту случайно подвернувшуюся марку не потому, что я был когда-то заядлым филателистом, а потому, что именно она, эта марка, отвлекла нас с Фарбером от разговора, которого оба мы до смерти хотели, но оба опасались, а потому и оттягивали.

– Вы знаете, о чем я сейчас подумал, взглянув на эту роскошную марку? – сказал Фарбер после недолгого молчания. – О том, что будут о нас рассказывать, когда кончится война? И как?

Я мог на этот вопрос ответить, но промолчал. Мне интересно было, что дальше скажет Фарбер.

– Вот пройдет сколько-то там лет – десять, двадцать, тридцать, сто, – и придут сюда, на это место, где мы сейчас с вами сидим, люди. Школьники, пионеры, экскурсанты. А с ними экскурсовод. Что он им расскажет? Что они увидят? Что поймут?

– Что увидят, пока трудно сказать. – Я вспомнил свое первое посещение Мамаева кургана. – А расскажут, очевидно, о боях, о героизме, о стойкости сталинградцев...

– Слова, слова, слова... Все это не то... Я знаю, как надо рассказать. Оставить все, как есть, – окопы, блиндажи, землянки. Чтоб пришли люди и увидели – вот как они воевали. Сидели в этих норках, отбивались в этих неполного профиля с трехлинейкой в руках, ворчали, ругались, курили одну сигарку на троих, ползали в грязи на брюхе, спали под любой бомбежкой, а в результате, если верить вам, победили. – Он старательно и очень аккуратно разорвал надвое листок отрывного календаря, на котором лежал сахар, и протянул одну половину мне. – А в общем-то, друг Горацио, рано еще об этом говорить. Давайте закурим...

– Вы поклонник Шекспира, – сказал я.

Фарбер улыбнулся, второй раз за все это время.

– Скажу по секрету: в свое время я держал экзамен в театральную студию и с треском провалился. А Шекспира действительно люблю... – Он посмотрел на часы. – Ого! Скоро уже и подъем. Не вздремнуть ли нам? Боюсь, что фрицы завтра попытаются возместить свое сегодняшнее молчание.

Я тоже посмотрел на часы. Было без четверти семь. Разумнее всего было бы, конечно, пользуясь последним темным часом, отправиться к себе на берег или хотя бы к Беньяшу, но я почувствовал вдруг такую усталость – после всего дня, минного поля, ночного разговора, – что о столь долгом путешествии и думать не хотелось.

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

– Я останусь у вас, – сказал я Фарберу. – Не прогоните?

– Конечно же, прогоню. – Он огляделся по сторонам. – Место старшины вас устроит? Небось шестой сон уже видит.

Старшина, покашливая, поднялся и вышел на двор. Я последовал за ним.

Уже светало. Левый берег Волги рисовался совсем четко. Где-то там, за горизонтом, находятся наши аэродромы. С первыми лучами солнца, неистово гудя, пронесутся над головой «илюши» – штурмовики, и почти сразу же вернутся продырявленные, бесхвостые, чуть не задевая нас своими шасси. Вернется половина, а то и меньше. «Мессеры» долго еще будут кружиться над Волгой, а где-то далеко за Ахтубой печально подымется к небу черный гриб горящего самолета... А потом появятся «певуны», или «музыканты», – Ю-87, по-немецки «штукас», – красноносые, лапчатые, точно готовые схватить что-то птицы. И целый день будут они на нас пикировать, сбрасывая бомбы, психологически распределяя дозы, гудя своими мерзкими сиренами от темна до темна... Так продлится весь октябрь. И начало ноября. 13 ноября будет последняя бомбежка. «Хейнкели» и «Юнкерсы-88». Сделают три захода, сбросят вразной бомбы, не пикируя, и улетят. Навсегда... 19-го начнется наше наступление.

Почему я все-таки не рассказал обо всем Фарберу? Побоялся? Чего? Ответственности? За что? Ведь если знаешь, что победишь, легче воевать. Я ему сказал об этом.

Конечно, о всех сложностях нашей довоенной жизни Фарбер знал и без меня. Но мы никогда об этом не говорили. Ни о сверстниках, ни о друзьях, ни об отцах, которые не могли, как мы, защищать Родину с оружием в руках. Мы избегали об этом говорить... Ну а теперь? Я ведь мог рассказать о многом, чего Фарбер не знал. О возвращении из лагерей, о восстановлении чести и достоинства тех, кому, увы, не пришлось вернуться, о многом, что изменилось в нашей жизни после пятидесяти третьего года... Но как обо всем этом скажешь? За один час, за тот единственный час, который остался до рассвета, до того момента, когда, может быть, надо будет подымать солдат в атаку?

Нет, очевидно, Фарбер прав – узнавать надо все самому, из жизни...

Где-то внизу, у подножия кургана, раздался гудок. Низкий, чуть хриловатый гудок... Я вздрогнул. Потом послышался отдаленный, все приближающийся стук колес на стыках, и хрип паровоза еще долго стоял в моих ушах. Наконец затих. И тут прокричал петух. Господи – и три раза...

Если я сейчас же не лягу спать, я сойду с ума...

Но в эту ночь мне не суждено было спать. Фарберовской землянки, той самой, из которой я только что вышел, в которой перевязывал ногу, пил чай, разговаривал с Фарбером, маленькой, неказистой землянки с копящей гильзой, храпящим старшиной и лопухим Ландриным – ничего этого не было... Вот так – не было. Ни следа. Ни признака...

Зато прямо передо мной, чуть левее водонапорных баков, высилось нечто громадное, непонятное, напоминающее издали не то утес, не то руину какого-то здания... Подойдя ближе, я увидел, что это гигантских размеров изображение полуголого человека с автоматом в руке. Мне стало страшно...

Вечером того же дня, выйдя из своей каюты, я нос к носу столкнулся со своими ребятами-солдатами. Они, вежливо поздоровавшись, прошли мимо, потом один из них, тот, что постарше, подошел ко мне.

– Вы нас простите, но мы очень хотели бы... Может, не откажете...

В ресторане мы свободного столика не нашли, поэтому вынуждены были подсесть к пожилому человеку, печально сидевшему над куском осетрины и полупустым графинчиком чего-то, напоминающего портвейн.

– Мы вам не мешаем? – спросил старший из солдат.

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
– Чего там... Садитесь, коль пришли.

После первой рюмки – она была поднята за город-герой, который мы недавно покинули, – младший из солдат, чтоб завязать никак не начинающийся разговор, спросил меня:

– А где это вы руки так поцарапали?

Я посмотрел на свои руки – они действительно были все в царапинах.

– На Мамаевом кургане, – сказал я.

– А вы там были?

– Был.

– А шахиншаха видели?

– Нет, шахиншаха не видел.

– А мы видели.

– Ну и как?

– Ничего. Представительный мужчина. Седой, в темных очках. С девятнадцатого года, говорят. И шахиня с ним. Черноглазенькая такая...

– Она архитектор по образованию, – мрачно сказал наш сосед.

– Да, архитектор, – с готовностью согласился младший из солдат. – В Париже, говорят, училась.

Некоторое время разговор крутился вокруг шахиншаха, его супруги, его свиты, автомобилей, венков, почетного караула, потом стал увядать. Солдаты чувствовали себя неловко, я молчал, зато унылый наш сосед, заказав себе второй графинчик, вдруг оживился:

– Вот смотрю я на вас, молодых людей, защитников Родины, и знаете, о чем думаю? Были вы на месте великих боев, великого кровопролития, где люди жизнь отдавали, чтоб вам жилось хорошо. Не им, а вам. А вы, кроме шаха и шахини, ничего там не увидели. Ну, приехал шах, ну, возложил венки, все возлагают венки, а вы рты поразевали.

– Так мы же в первый раз, интересно все же... – робко сказали солдаты.

– Что интересно? На царей смотреть? Я вот на этом кургане тоже воевал. Пришлось. Ну не на самом кургане, но бывать приходилось. Не узнаешь его теперь. Не курган, а символ. Это про отцов ваших, про героизм ихний.

Ребята вдруг обиделись.

– Не учите нас, – сказал старший. – О том, что здесь происходило, мы понимаем не хуже других. – Он замолчал и, видимо, смутившись резкости своих слов, протянул соседу пачку «Казбека».

– Нет, батенька, не курим. Давно не курим, второй год уже не курим. И что ж, утром проснусь, хоть бы раз кашлянул. Не верите? – Он посмотрел на меня. – Попробуйте. Вы, я вижу, одну за другой, изо рта не выпускаете. Напрасно. В высшей степени напрасно. Человек вы немолодой, книги и газеты читаете, о губительных последствиях никотина, очевидно, знаете...

– И водки тоже. – Я посмотрел на своих ребят, они еле сдерживались от смеха. – Может, повторим вчерашнее, пойдём в мою каюту, а?

И мы пошли в мою каюту. Но о войне я больше не говорил. Выпили только положенную на троих норму и разошлись. Из остатков водки сделал себе компресс – щиколотка моя всё-таки распухла и стала багрового цвета.

Случай на Мамаевом кургане. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

На этом можно было бы и кончить эту в высшей степени странную, так идиллически закончившуюся историю. Но еще об одном эпизоде, имеющем к ней косвенное отношение, я не могу не рассказать.

Месяца через полтора-два в Москве я повстречался со Смоктуновским. Он был не один, с ним шел человек, назвавшийся при знакомстве Василием Григорьевичем Шуйским.

Он был немолод, лет шестидесяти, очень бледен, с высоким лбом и умным, немного ироническим взглядом. Одет был просто, я сказал бы даже – неряшливо, как одеваются среднего достатка, много уже повидавшие актеры. Но что сразу приковало мое внимание – это огромный сердоликовый перстень-печатка на указательном пальце правой руки. Разговаривая, он машинально все время его вертел. Мне очень хотелось рассмотреть его повнимательнее, но я постеснялся.

Когда Василий Григорьевич ушел, Смоктуновский сказал мне.

– Очень интересный тип. Когда-то был актером, и, говорят, неплохим. Сейчас суфлер. Одинокий. Очень милый. Много читал. Это чувствуется, правда? Но есть у него один псих. Ты видал этот перстень? Так вот, он утверждает, что подарен он ему не более не менее как князем Курбским. А? Неплохо? Встретишься с ним – не пожалеешь и наслушаешься таких рассказов, что граф Алексей Константинович Толстой позавидовал бы..

Но Василия Григорьевича я больше не видел. Авось встретимся еще когда-нибудь. Интересно все-таки. Впрочем, интересными встречами меня теперь не удивишь.

Примечания

1 ...встреча <...> произошла летом 1950 года, ровно через семь лет после окончания войны, в Сталинграде. – Некрасов ошибается: война закончилась в 1945 году. Можно предположить, что он имеет в виду окончание боев за Сталинград, однако не подходит тогда «ровно», поскольку это произошло не летом.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!